

Василий Попов

Исповедь зверя

16+

Василий Попов

Исповедь зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Попов В. Л.

Исповедь зверя / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-08206-9

Вероятное "рождение" - появление в современном мире в образе "зверя" существа, изгнанного с небес. Описание событий, связанных с вторжением зла в социум, влияние на его членов, оказавшихся не такими уж и безгрешными. Так обыденно и повседневно, что кажется – это могло бы произойти с кем-то из вас, ваших близких или знакомых.

ISBN 978-5-532-08206-9

© Попов В. Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Зверь

*Ангелы и демоны, борющиеся в нас,
наполняют нашу жизнь смыслом,
определяющим дальнейший путь
каждого из нас
и выбирающим для нас пожизненного спутника –
одного из них (ангела или демона).*

Впечатленный узором, сотворенным морозом на стекле, Олег вписал имя дочери и жены внутрь нацарапанного им угловатого сердца. Он сдул снежные опилки, оставленные резцом (ногтем указательного пальца), тупо глядя на мелькающие деревья и огни улиц сквозь тонкие линии царапин.

Вой сирены. Краткий диалог медсестры с диспетчером – все это на заднем плане; перед глазами заплаканное лицо дочери, размытый силуэт Ольги, суетливо собирающей вещи.

Повсеместный холод. Холод на улице. Непреодолимый устоявшийся холод в отношениях. Судорожный холод в теле.

– Олег! – голос медсестры доносится издалека. – Три минуты – мы на месте! Там все сложно...

Перед глазами – смазанный проем двери, две близкие фигуры в коридорном полумраке. Собственный крик, застывший внутри, молящий не уходить.

В реальность возвращает пощёчина медсестры – в быту кроткой девушки Лидии.

– Сука, ты слышишь меня? – Пухлые малиновые губы медсестры растянулись в крике. – У нас роженица. Последний этаж. Работаем! Здесь настоящий хаос...

Скользкие ступени автобуса. Выжигающий ноздри морозный воздух. Блики от сотни красно-синих мигалок. Толпа ротозеев. Оградительные ленты. Ругань. Крики. Дым. Тошно-творный запах гари.

Хаос. В хаос превратилась одноподъездная, в прошлом элитная пятиэтажка. Навстречу – носилки со стонущими телами и безвольно свисающими конечностями. Халаты коллег. Униформа полицейских. Шланги пожарных. Инструменты спасателей. Суета. Женский визг.

Все перекрывается грохотом закрываемой Ольгой дверью, криком «Папа!» и невысказанными словами, застрявшими в лабиринте собственного речевого аппарата.

Мелькающие полы халата медсестры, кожаные голенища ее сапог перед глазами – ориентиры для ведомого на тесном «эскалаторе» из живых и полуживых стонущих тел. Все те же крики. Приказы. Ненормативная лексика.

Последний этаж. Тусклый свет гостиной. Олег странным образом первым оказался возле стонущей на диване женщины.

– Но я никогда не практиковал... – Он, в нерешительности делая шаг назад, уперся в выставленное колено медсестры.

– Здесь никто и никогда. – Лидия, оттолкнув его, шагнула к женщине. – Специалисты в двадцати минутах. Готовим её...

Роды были затяжные и тяжелые. Под крики и переговоры спецподразделения, работающего ниже этажом, последующего штурма. Выстрелы. Грохот шумовых гранат. Соответственно, никакого прибытия акушеров на место.

Судороги и крики роженицы. Едва слышный плач новорожденного. Отсекаемая пуповина.

– Не дай ему жить! – Расширенные глаза женщины смотрят в глаза Олега, ее рука буквально рвет халат.

– У вас сын, – устало улыбаясь, говорит Олег. – Сын.

– Это сын зверя! – хрипит женщина. – Я видела всё, пока его носила...

За спиной Олега шум падающего тела: стойкая Лидия, не выдержав нагрузки, «перегорела».

Выстрелы и взрывы повторной атаки внизу. Нашатырь для медсестры.

Олег смотрит в маслянистые глаза сосущего собственный палец младенца. В них мерцание электрического света от замыканий, вокруг осыпание штукатурки, дрожание стен от непрекращающихся штурмов.

Где-то рядом слышны бесполезные попытки Лидии реанимировать дергающееся тело только что разродившейся матери. Олег, присев, закрывает руками голову и тихо смеется, постепенно наращивая уровень звука и степень сумасшествия в смехе.

*

Кабинет главврача. Унылый интерьер. Не менее унылые лица коллег. Пафос в тирадах о корпоративной этике заглушает жужжание мухи, странным образом пережившей «блокаду» апокалиптической стужи этой зимы.

Медперсонал также жужжал, обсуждая события прошедшей ночи. Эмоции от пережитых впечатлений выстраивались в очередь по порядку прибытия экипажей скорой помощи в хаотичную злосчастную пятиэтажку.

– ...Ужас! – раздалось рядом с Олегом. – Мои ноги дрожали от увиденного...

– Столько крови и столько насилия, – пропела обладательница ногтей, раскрашенных в стиле Боба Марли, – сконцентрированных в одном месте...

– Кошмар! У меня никогда так не тряслись руки во время перевязки. – Высокий голос одной из присутствующей надломился. – Реально было страшно...

Олег мысленно раскладывал по полкам и выстраивал в очередь «стекло», имеющееся на балансе их медицинского заведения. Препараты, содержащие морфин, лекарства на основе эфедрина, транквилизаторы, барбитураты... Нет, он не был наркоманом! Но одно дело – уйти от реальности, устав от навалившихся на плечи проблем. Совсем другое – укутаться в теплом саване эйфории и в этом коконе отойти в мир иной. Именно к этому сейчас призывало его внутреннее я.

– Тимофеев!

– Да... – Олег звякнул граненым стаканом с остывшим и черным, как ночь, чаем.

– Что скажешь ты?

– Ничего особенного. – Олег пожал плечами, концентрируя свое внимание на жирной мухе. – Налицо явная ординарность случая...

– Ординарность, – голос главврача окреп до металла, а его красное лицо, словно обветренное морскими ветрами, стало еще краснее, – заканчивается на звонке от переживающей схватки роженицы и выезде на этот вызов первого экипажа. – Медперсонал затих, как, впрочем, и жужжащая до этого муха. – Затем еще полтора десятков вызовов и масса звонков от той же беременной женщины. – Говорящий сбил сухость водой – все слышали звуки поглощения влаги. – Ни один из экипажей не добрался до неё! Потому что дом был переполнен насилием, пожаром, болезнями, суицидом и прочим несчастьем... И что мы в финале имеем? Более двух десятков пострадавших, из них дюжина – с летальным исходом. Ординарность? Обыденность, я бы сказал...

Кто-то фыркнул, реагируя на неуместный сарказм.

«Все-таки морфины были бы кстати», – пронеслось в голове Олега.

– ... И в итоге, ты принимаешь роды, женщина умирает при этом, а экипаж, вывезший ребенка, попадает в ДТП, в котором выживает только младенец... – Высокая фигура главврача тянется к потолку, он поднимает к этому же потолку разведенные руки, принимая образ спасителя. – Ординарность?!

Закрытые в ужасе ладонями рты коллег. Невнятные оправдания Олега.

– Стечение обстоятельств...

– Что она сказала, умирая!? – громом гремит голос где-то под потолком.

– Бессвязный бред умирающей... – Олег сам себе казался меньше парящей в кабинете мухи.

*

Олег стоял возле темного силуэта здания храма. Его трясло. Но трясло не от холода ледяного дождя. Не от распада в его крови морфинов и алкоголя. Его бешено колотило от появления в его жизни необъяснимого, запредельного, разрушающего жизнь.

Его жена и дочь погибли в ДТП, в том самом, о котором говорил главврач. Здесь Олег уже не смог бы применить банально избитую фразу “стечение обстоятельств”. Что-то более громкое и фатальное. Но не хватало слов. Даже произнесенных самому себе.

От скорбных мыслей отрывает колокольный перезвон. Олег делает шаг, решительный и необратимый. Решение пришло само после трагических известий.

– Она само совершенство! – Рыжеволосая молодая женщина, восторгаясь, словно в молитве, сложила руки возле лица. – Сегодня один из счастливейших дней в моей жизни...

– Да, несомненно, то что она творит, а она действительно творит... – Седовласый старик во фраке и со свисающими волосами, как пакля, под восхищённые взгляды публики, нервно потея, поддерживает собеседницу за талию. – Я бы даже осмелился сказать, творит уже созданное, как бы парадоксально это ни звучало...

– Мм-м, браво, девочка, браво! – На последней ноте произведения восхищённая женщина закрывает лицо руками, не обращая внимания на слова стоящего рядом, и «задаёт тон» публике. – Браво!

Собравшиеся в зале лица, вставая, аплодируют, криками выражая свой восторг.

– ... Ребенок гениален, и наша школа, – старик, пытаясь перекричать толпу, уже почти прижался к уху женщины, – и весь коллектив готовы стать так называемой стартовой площадкой для юного дарования. Вам всего лишь нужно...

– Конечно, Ростислав Юрьевич, конечно! – Сияющая от восторга женщина, отодвинувшись, мягко проведя рукой по плечу собеседника, извинилась.

Она бежала к дочери сквозь толпу. Восхищенные, где-то даже завистливые взгляды. Навстречу успеху. Не пришедшему в свое время к ней. Возможно, к ее таланту, загубленному, но возродившемуся в этой худенькой, бледнокожей, ещё не сформировавшейся “рыжей бес-тии”.

Ростислав Юрьевич, окруженный коллегами, пропахшими нафталином и внутрилицейскими интригами, от досады сорвал бабочку со своего одеяния.

*

Алиса. Алиса корчила рожи перед зеркалом, слыша через открытую дверь диалог матери с отцом. Точнее, она умело пародировала обоих родителей, четко представляя и выражая их мимику и жестикуляцию.

– Ты загубил мою жизнь, из-за тебя я врыла свой талант в землю, – голос Галины срывался, достигая высокой тональности. – И теперь, когда наша девочка на пути к успеху, ты предлагаешь все бросить и уехать? Я не дам загубить ее талант!

– Я все понимаю, – голос отца Алисы напоминал звук басовой трубы, – но, Гала... Теперь всё серьезно...

– Всегда было все серьезно.

Алиса в этот момент, встав перед зеркалом, отставив изящно ногу, уперев одну руку в бок, второй жестикулируя, комично пародировала мать.

– ... И тогда, когда я пряталась, отсиживаясь на съемных квартирах с маленькой Лиской на руках, и когда зимовали у свекрови на даче, питаюсь ее трехгодовальными запасами, боясь

выбраться, чтобы просто попасть в магазин. – Галина даже не могла представить, насколько дочь идеально синхронизирует ее манеры. – Голод, холод! Брр... В тот момент, когда мои подружки грелись на пляжах «средиземки» и катались на лыжах на горных курортах!

– Ну ты хотя бы жива...

У Алисы менее успешно получалось «воспроизводить» поведение отца: она раздувала щеки, медленно качая головой, и имитировала открывание и закрывание зажигалки «Zippo» (вечный спутник отца), слыша ее щелчки.

– ...Что не скажешь о большей части твоих подруг.

– Слушай, как бодрит-то, а! – И Галина хлопнула ладонью по каминной полке гостиной, заставив Алису буквально подпрыгнуть перед зеркалом. – Мне знакомы все твои аргументы. Да, да, было – тот раз, когда наш дом стал похож на очаг апокалипсиса, мы убрались оттуда вовремя. Но ты забыл, как она едва выбралась после воспаления легких из-за твоих разборок и как она каждый раз только благодаря своему терпению и старанию наверстывала пропуски в занятиях, связанные с этими скитаниями...

– С помощью репетиторов.

Раздался второй хлопок о каминную полку, менее потрясший Алису в своей комнате. Но он прекратил щелчки зажигалки.

– Прости...

– Фраза о репетиторах, нанятых именно тобою, поставила бы крест на всем... Слышишь? Вообще на всем!

– Но сейчас все очень и очень серьезно! – Голос отца слегка дрогнул. – Не уехать сейчас – это ошибка.

Алиса остановила свою пародийную игру и отвлеклась на едва уловимый слухом звук за окном.

– Нет и еще раз нет! У ребенка божий дар...

*

Алиса погружалась в свой маленький мир. Придуманный ей и еще кем-то. Она не терпела разборок отца с матерью и старалась относиться к ним с иронией, что у неё и получалось.

Она смутно помнила те времена, о которых говорила мать. Она только помнила ее заплаканное лицо и постоянные вызывания к кому-то, ее полуночный шепот и свое вечно болезненное состояние.

Но потом появился Он. Алиса не знала, кто Он. Но знала, что Он присутствует в ее жизни. Она слышала Его голос, ощущала Его постоянное присутствие, участие и защиту. Они понимали друг друга с полуслова. Алиса не знала, слышит ли Его голос ещё кто-либо, но всегда просила говорить Его тише.

Он научил ее всему: терпению, старанию, прилежанию. Игре на фортепиано, нотной грамоте и всему тому, что в человеческих понятиях считается талантом, гениальностью, даром.

Алиса хотела поделиться своей тайной с матерью, но Он запретил ей, сказав, что исчезнет навсегда. Девочка боялась этого и хранила тайну. И скучала, когда Он пропадал на определенные промежутки времени.

Однажды Алиса спросила Его: «Какой ты?». Он предложил угадать ей. Алиса представила Его птицей, что пробуждает ее по утрам и поет красивую песню на ночь. Он ответил: «Если человек талантлив, то он талантлив во всем, даже в своих представлениях...» После этого Алиса при Его появлении и исчезновении слышала шорох крыльев летающего существа.

Но самое главное, Он научил ее слышать музыку во всем: в топоте шагов, в шорохе листвы и колес, в хлопанье крыльев бабочки, в звуке капель дождя. Он дал ей толчок: она стала добавлять услышанные ею звуки в музыку известных произведений, делая их более ритмичными, интересными...

*

Глеб, отец Алисы, не сгушал краски, говоря обо всей серьёзности положения. Его становление прошло во времена кровавых разборок. Он видел кровь и насилие. Легализовавшись и отойдя от криминальных структур, откупившись от этих структур, он никогда не ощущал спокойствия. Прошлого не отпускало.

То там, то здесь периодически что-то происходило трагическое с кем-то из его бывших партнеров. Анализ происходящего пугал его: он видел угрозу непосредственно своей жизни. И не только...

Да, Гала права: большую часть совместной жизни они скрывались от кого-то. Опасность шла с ними в ногу. И он понимал, что, если бы не Алиса, они с Галой давно расстались бы.

И тем не менее, жизнь стабилизировалась. Глеб – бизнесмен. Несмотря ни на что, рост ликвидности налицо. Но...

Проводя некоторые параллели, он обнаружил странную закономерность.

Алиса с самого начала была болезненным и физически отсталым ребенком. И это угнетало их с Галой. Тем более в моменты постоянных гонений.

Но постепенно девочка физически окрепла, случился прорыв, в умственном развитии обнаружились высокие интеллектуальные способности, в конце концов, тяга к музыке.

Гала была на седьмом небе от счастья. Ближайшие родственники тоже. Спокойствие в этом вопросе самого Глеба сменилось тревогой.

Именно положительная динамика развития девочки, внезапное обнаружение ее уникальных способностей сочетались со смертями его бывших партнеров по криминальному цеху.

Это понимал только Глеб. Очередность событий менялась: или новое открытие в дочери и смерть партнера и его близких, или наоборот.

Возможно, Глеб и не паниковал бы столь ярко, но из костяка бывшего криминального сообщества он остался один в живых. И этот гениальный прорыв в музыкальных способностях Алисы являлся тревожным звонком для него и для всей семьи.

Сообщить обо всем Гале он не мог: он был бы мгновенно уличен в неадекватности и выставлен на внутрисемейное посмешище. Гала с возрастом и образованием льда в отношениях супружеской пары могла быть саркастически циничной стервой. Хотя неизвестно, как бы отреагировал сам Глеб на заявления о подобных открытиях.

*

Алиса творила, сидя за клавиатурой электронного фортепиано. Полет творческой фантазии не отпускал ее.

Это началось в парке, где она гуляла с мамой. На самом деле, это Гала гуляла с Алисой. Это Он вел их обеих туда, где девочка должна была сделать свое очередное открытие.

Только что убранный после зимы городской парк. Только-только пробились первые ростки зелени. Солнце даже по-летнему прижигает открытые участки кожи.

– Туда! – весело зовет Алиса мать к кленовой аллее.

– Почему? – смеется в ответ Гала.

– Все лучшее происходит там.

– Ты первый раз в этом парке, – еще больше смеется Гала, – откуда тебе знать?

– Первый раз – он самый важный, мама! – Алиса тянула мать за руку.

– Ну что ж, – задумалась на секунду Гала, – не лишено смысла. Но это не ответ...

Они сидели на скамейке, закрыв глаза, подставив лица лучам солнца. Звук натяжения нити паутины, словно струны музыкального инструмента, скрип деревьев, барабанная дробь дятла, крики птиц, порывы ветра – все это слышала Алиса. Она слышала в этом своеобразную мелодию, мысленно перекладывая ее на ноты.

Алиса слышала также и Его. Он предупреждал о приближении незнакомца. О его вторжении в ее жизнь и в жизнь ее семьи.

– Ты слышишь Его? – Алиса, не открывая глаз, коснулась руки матери.

– Парк? Конечно... – Гала улыбнулась, также не открывая глаз. – Я часто в детстве убегала из дома слушать голоса птиц, шум листвы в прилежащие парковые зоны... Наверное, твоя тяга к подобному от меня.

– Скорее всего... – Алиса, улыбнувшись, сжала руку матери.

Она наложила отрывки мелодий, услышанные в полдень в парке, на одну из рапсодий известного австрийского композитора. Даже самой ей это показалось восхитительным.

*

Незнакомец появился внезапно. Скамейка возле музыкальной школы. Солнце. Ожидание матери. Слабый ветер листает нотную тетрадь. Ей послышался хлопот крыльев взлетающей птицы.

– Здравствуйте, милая Алиса! – голос незнакомца был приятен.

– Мы не знакомы, и мне запрещено общаться с чужими людьми! – Алиса отодвинулась от сажающегося на скамейку человека.

– Я не причиню вреда. – Почти черные глаза незнакомца сверкнули в лучах солнца. – Тем более, мы знакомы заочно. Он упоминал обо мне...

– Ничего хорошего в этом упоминании я не услышала. – Алиса потянулась к телефону, нажатием набирая телефон матери. – Скорее предупреждение.

– Не беспокой ее, Алиса! – Незнакомец поправил челку светлых волос, улыбаясь. – Она «буквально на секунду заскочила в бутик» и возится с платьями нового привоза. Женщины...

Гала не отвечала на звонок.

– Откуда ты знаешь? – Алису притянул взгляд его глаз.

– Ты не удивилась, откуда я знаю о Нем, а удивляешься тому, что я знаю о действиях твоей матери!?

– О тебе Он предупреждал, – Алиса убрала нотную тетрадь в сумку, – мама не предупреждала о тебе как о «всезнайке»!

– Логично. – Он снова приятно улыбнулся, показывая идеально ровные зубы. – Чем занималась одна в ожидании?

– Я не была одна!

Алису раздражало то, что незнакомец ей нравится. И нравится как мужчина. С ней это было впервые.

– Ах это... – Он стряхнул нависшую паутинку со штанины. – Он слаб в моем присутствии... Так чем ты занималась?

– Импровизировала.

– Без инструмента! – Он улыбнулся вновь. – Что набросала? Ведь предстоит большой концерт... Не хочешь пригласить меня?

– Нет!

– Лиса! – Незнакомец назвал ее так, как называет мать, ставя ударение на первом слоге. – Я ведь нравлюсь тебе...

Послышался шорох колес и звук торможения внедорожника.

– Мама! – Алиса вскочила, но слова незнакомца задержали ее.

– Не упускай свой шанс, – он снова улыбнулся, – ведь я могу понравиться и ей!

– Даже не вздумай! – неожиданно для себя Алиса процедила сквозь зубы и, отрываясь от магнетизма, исходящего от собеседника, побежала навстречу матери.

– Лиска! – Гала приподняла дочь и, покружив, опустила. – Прости, задержалась... – Случайный взгляд матери встретился с глазами незнакомца. – Кто это?

– Поехали, мама! Это неважно... – Алиса тянула мать к машине. – Мы опаздываем!

Но было поздно.

– Куда? – Гала не могла оторвать взгляда от уже поднявшегося и удаляющегося незнакомца. – Кто это, дочь?

*

Это случилось накануне ее выступления. Мать не вернулась домой до прихода отца. Случай из ряда вон... Алиса не помнит такого «прецедента».

Отец появился в двери ее комнаты на последней ноте рапсодии, оттачиваемой Алисой до совершенства. Или не отец – какой-то старик с серым лицом. Она даже вскрикнула от испуга.

– Дочь... – Голос был родным и успокаивающим.

– В чем дело, папа?

– Иди ко мне...

Вид отца был ужасен. Взгляд – блуждающе отвлеченным. Всегда идеально одетый, сейчас какой-то измято-скомканный.

Алиса, невольно поднявшись, подошла к нему и обняла.

– Мама... – начал он и в хрипе затих.

– Мама? – Алиса по-взрослому встряхнула отца и заглянула в его глаза.

Там страх, серость и бесконечная обречённость. Они и породили в Алисе самые ужасные мысли.

Совместную, уже нахлынувшую семейную скорбь прервал хлопок закрываемой двери и приближающийся попсовый хит прошлого сезона в исполнении Галы.

Конфронтация взглядов отца и дочери завершилась быстрой сменой отражений мгновенно родившихся чувств и эмоций. Дочь и отец повернулись к «заблудшей матери».

На пороге застыла романтически настроенная, красиво одетая и явно влюбленная... мать.

Отец прошел мимо. Алиса повисла на ней, морщась от запаха принятого той алкоголя и растягивая и без того глубокое декольте дорогого платья.

Затем скандал. Полуночная ругань на повышенных и «приемлемых» для соседских ушей тонах. Псевдоистерика. Показной бой посуды.

Алиса, зависнув над клавиатурой, даже не пыталась играть пантомиму на происходящее. Ее длинные музыкальные пальцы переплелись с ее рыжими волосами. Отчаяние от происходящего.

– Кто он? – донеслось из кухни.

– Мужчина! – Гала подкрепила ответ неуместным смехом. – В отличие от некоторых. Он галантен, внимателен. Джентльмен! – Хлопок дна стакана о поверхность стола – испуг для Алисы. Как выстрел для отца. – Он не будет уговаривать прятаться свою любимую женщину в момент опасности, он сделает всё для неё!

Удар ладони отца по стене. Теперь его неуместный смех.

– Ну да! – Отец, вставая, уронил стул. – Он приоткроет дверь и пропустит даму к ступеням лестницы, ведущей к смерти!

– Ты ужасен ...и смешон!

Алиса еще глубже запустила руки в волосы, закрывая при этом уши. Перед глазами качающиеся ветки за окном и диск желтой луны в почти черном, крапленном звездами небе.

*

Она бежала бегом. Утренняя весенняя свежесть бодрила. Ветер развеивал ее волосы. Солнце играло бликами в отражениях стекол домов и машин.

Она не стала дожидаться мать – её вид был помят. Отец был свеж, решителен, немногословен. Но добираться с ним означало похоронить свое выступление в машине, смешав свои чувства с эмоциями, бурлящими в нем.

Алиса торопилась, укорачивая путь дворами и переулками и разговаривая вслух с Ним.

Он успокаивал, уверял, настраивая ее на успех. Он всегда с ней!

Но как-то оборвался диалог после пешеходного перехода в центре аллеи с цветущей акацией.

Незнакомец сидел на скамейке, элегантно покачивая ногой, заложенной поверх колена другой ноги, и улыбался утренним лучам солнца.

– Ты! – Решительность Алисы растворилась в момент ее погружения в черные глаза. Тяга к нему шла откуда-то из низа живота и сбитого дыхания.

– Да, Лиса, я.

– Не называй меня так! – Но ее злость растворялась, а бессилие от происходящего угнетало ее. – Что тебе от нас надо!?

– Немного, Лиса, немного... – Он улыбнулся, и дыхание ее сбилось окончательно.

– Что!?

– Частица тебя, девочка... – Он погасил улыбку. – И это неизбежно.

Алиса оторвалась от него и отступала в сторону лица.

– Нет!

– Да! – Незнакомец пожал плечами, ухмыляясь. – Сегодня ты сама всё поймешь.

Она бежала. Рюкзак больно бил по спине. Она уже не слушала вновь появившийся спасительный голос.

*

Зал полон. Праздник на лицах взрослых и детей. Круги зажжённых свечей под потолком.

Последнее выступление. Объявление рапсодии, импровизированное выпускницей лица.

Предварительные аплодисменты.

Появление Алисы вызывает ропот. Несколько глубоких вздохов частично снимают волнение и дрожь в ногах. Рояль. Ноты.

Кивок извиняющейся матери, сающейся в первый ряд. Ее вид рождает вздох разочарования Алисы.

Первый аккорд снимает напряжение с нее самой и ожидание с лиц собравшейся публики.

Но на нем музыка прекращается, не успев начаться. Смятение. Непонимание. Алиса жестом извиняется. И начинает снова.

Аккорд. Остановка. Страх. Она ищет спасение в глазах матери. В них жалобное подбадривание.

Еще попытка. Снова остановка. Шепот появившегося руководителя. Взгляд на мать. Та отвлеченно смотрит в начало ряда. Незнакомец! Он смотрит в глаза Алисы, улыбаясь.

Алиса, мотая головой и отталкивая Ростислава Юрьевича, начинает снова. Музыка вновь замирает. Ропот зала перерастает в легкий гул. Ладонь у рта матери. Кивок с закрытыми глазами незнакомца – словно разрешение.

Алиса буквально вонзила пальцы в клавиатуру. Музыка перекрыла недовольство публики.

Сама она поднялась куда-то в небо, паря над парком, над его деревьями, скользя в порывах ветра, улыбаясь лучам солнца, обогнав поющих птиц, поморщилась шороху гравия под ногами знакомого ей образа, идущего по парковой дорожке. Она летела дальше, к ручью, бок о бок с ярко-зеленой бабочкой, журчащему и манящему, не обращая внимания на несколько хлопков внизу. Ручей...

Она закончила, взрывая овациями зал. Снисходительность на лице незнакомца. Опускающая телефон рука матери и ее заплаканные глаза.

Алиса все поняла сама. Она беззвучно произнесла:

– Папа...

Мать, опуская глаза, закрыла лицо руками.

Хлопот крыльев заглушает рукоплескание публики. Он улетел навсегда?

– Как ты? – Матвей почти беззвучно опустил в не просохший после дождя мох.

– Нормально... – Константин выдохнул, не отрываясь от бинокля ночного видения. – Ты чего гремишь?

– Холодно в этой банке консервной... – Матвей сунул в руку товарища шоколадный батончик.

– Ребята как? – Константин пережевывал вязкую субстанцию с протеиновым привкусом.

– Мерзнут. У тебя что?

– Тихо... – Константин на секунду прекратил жевать. – Но, думаю, скоро согреемся.

Их шепот слегка звенел в морозно-вакуумной полуночной тишине лесной зоны. В особенности напротив горели ночные лампы за стеклами верхнего этажа и тусклые шары на газоне по периметру территории. За забором темнели «квадраты» машин хозяина дома.

– Может, и не будет ничего сегодня, а, Кость? – Матвей подул на пальцы, торчащие из «раструбов» кожи специальных перчаток.

– Да будет, будет... – Константин впился глазами в дом, наполняющийся звуками движения. – Всё у нас сегодня будет.

– Ну да, ты же у нас... – Шепот Матвея прервался: рука Константина легла на его рот.

Хлопок двери. Запуск двигателя. Свет фар. Автомобильная «коробка», выбравшись из-за забора, перебирая скоростями и освещая дорогу с качественным покрытием, помчалась в сторону города.

Синхронный выдох. Обоюдный беззвучный смех.

– А, ты, к Эле торопишься? – Константин хмыкнул.

– Ну! – Матвей блеснул зубами в темноте. – Извелась, наверное, вся...

Снова беззвучный смех. Блеск глаз, отражающий свет появившейся в небе луны.

– Часок можно подремать перед началом... – Константин откинулся на спину.

– Скажи... Давно у тебя это?

– Что?

– Ну это твоё... – Матвей поделил пополам еще один батончик. – Уникальное сверхчутьё?

*

Константин. Мальчиком Костя был действительно уникальным. Уникальность его заключалась в том, что он не пропускал ни одного происшествия в микрорайоне, а конкретнее, участия в нем.

Родители старались не выпускать мальчика лишней раз из дома. Травмы. Переломы. Ушибы. Местный травмпункт стал «пристанищем» для ребенка.

Костя был не только инициатором травмоопасных случаев – драки, лазанья по стройкам, спасание соседских котов. Несчастные случаи сами сыпались на него.

Прозвище «Несчастье» как-то само собой привязалось к нему.

И все-таки он был уникален! В каждом происшествии – ДТП, пожаре, драке, и прочем – Костя принимал удар на себя. Кто-то из участников мог пострадать гораздо сильнее. Костя являлся в этот момент буфером между несчастным случаем и жертвой. Это мало кто замечал. Виден был лишь результат. Все остальное можно было назвать стечением обстоятельств, сложным развитием ситуации... Для него это была закономерность.

И те, кто умел делать хоть какие-то «логически-аналитические выводы», в заключение выдыхали: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

«Несчастье» в роли кудрявого курносого мальчишки действительно помогало, спасало.

Все прекратилось одним холодным зимним вечером: пожар убил его родителей. В тот раз пожарные спасли Костю, вытащив его, полуживого, из объятый пламенем квартиры. Тогда они приняли удар на себя.

Костя не знал: в тот вечер его дом, в котором он прожил всю свою сознательную жизнь, охватил хаос.

Он лишь через месяц реабилитации увидел серую, с пустыми глазницами и не вписывающуюся в весеннюю жизнь микрорайона пятиэтажку.

*

Странно. Но после пожара и сопровождающего его хаоса жизнь Константина изменилась. И дело не в опекунов малоизвестной троюродной по матери тетки. Он больше не попадал в опасные для жизни ситуации. Несчастные случаи стали обходить его стороной. Нет. Его уводил от них присутствующий теперь в его жизни образ.

За доли секунд в незначительном происшествии и за четверть-полчаса до чего-то более глобального, масштабно-разрушающего.

С развитием машиностроения, IT- технологий, развалом огромной страны и вытекающих из этого войн, становлением актуальным в жизни людей такого понятия, как терроризм, вероятность попадания в опасные ситуации умножилась в разы.

Но не для Кости. Однажды он за остановку вышел из трамвая, снесенного грузовиком, управляемым пьяным водителем. Из переполненного трамвая выжили единицы.

«Передумал» идти в банк, в котором в тот день состоялось вооруженное ограбление. Клиенты банка и его служащие – все были застрелены грабителями.

Вместо кино уговорил свою знакомую пойти в парк на аттракционы. Кинотеатр в тот вечер выгорел дотла.

Сделал пересадку в метро до станции, на которой произошел взрыв. Террористическая атака унесла десятки жизней.

Несомненно, Костя пытался спасти своим даром и других людей. Но попытки были безуспешны. Недоверие, где-то даже смех сменились на другое...

Сначала тетка стала сторониться его даже дома, после того, как он убедил ее не идти в тот злополучный банк. Знакомая, ранее проявляющая к нему интерес, после пожара в кинотеатре ограничивалась теперь только кротким кивком при встрече.

Небольшое количество школьных друзей уменьшилось после трагедии на теплоходе. Кто-то из них утонул, кто-то после отговоров Константином на перемене, но по каким-то иным причинам не попав на злосчастную прогулку по реке, попросту отвернулись от него. Сторонясь при встрече, как от прокаженного.

С осознанием бесполезности своих попыток Костя просто шел на голос спасающего его образа и... конечно же, внутренне терзал себя за то, что не может помочь людям, имея реальную для этого возможность.

Результат внутреннего «самобичевания» – контракты в горячих точках после срочной службы в армии и учебы.

Вот здесь дар Константина пригодился на все сто. Его группа выполняла различные задачи – от разведки до вывода людей из опасных даже в масштабе военных действий точек, освобождение заложников и точечное уничтожение командиров террористических бандформирований.

Началом стал вывод Костей раненых товарищей из горного ущелья, местность которого была напичкана боевиками. Командование поощрило его и разглядело «дар». Затем еще пара невыполнимых задач. И дальше пошло как по накатанной.

Масса проведенных сложных операций с минимальными потерями и легкими ранениями для него самого «приклеили» к Константину звание высокого специалиста в своей области.

Но никто не знал, что везде его вел образ, присутствующий в жизни с пожара в его доме и гибели родителей. Поэтому Константин всегда был «до невыносимости» скромен, так как понимал, что все происходящее не его личная заслуга. Надо отдать ему должное.

*

– Матвей! – Костя потряс задремавшего товарища.

– Чё там? – зашептал мгновенно проснувшийся боец.

– Готовь ребят.

– Так ведь тихо же... – Матвей посмотрел в бинокль на особняк и, не найдя видимых причин, вопросительно посмотрел на Константина.

Светало. Слышен крик лесной птицы. Туман покрывалом стелился по земле.

Раздался гул издали приближающегося транспортного средства. Двух – это определили по фарам автомобилей.

– Откуда ты все знаешь? – Матвей тенью скользнул в сторону автобуса с основной группой спецподразделения.

За машиной хозяина плотно двигался микроавтобус. Автомобили на территории. Хлопанье дверей. Короткие фразы вполголоса. Погрузка.

Константин услышал едва уловимый шум ребят за спиной. Он поднял руку, сигнализируя о начале штурма.

Шумовые и световые гранаты. Грохот автоматных и пистолетных выстрелов. Атака захлебнулась. Их словно ждали. Потерян фактор внезапности. Константин вынужден был вызывать подкрепление.

Но, пока группы стягивались в указанный квадрат, атакуемые вместе с грузом вырвались из-под точечного огня раздробленной группы Константина.

– Как он выглядит? – Зрачки Матвея закатились и, снова появившись, сфокусировались на нем. – Ну!

– Кто...? – Константин держал руку товарища, сжавшую ворот его куртки.

– Образ... – Угробный звук вырвался из горла Матвея, на губах показалась кровавая пена.

– Это силуэт и голос моего отца.

Матвей ослабил хватку, и его глаза, отразив на секунду понимание услышанного, остекленели.

Константин с импульсом боли в боку провалился в темноту.

*

Толчок к пробуждению. Осознание реальности. Боль с правой стороны. Медсестра. Врач. Короткий диалог о самочувствии. Лекарства. Уколы.

Посетитель. Белый халат поверх кителя. Широкая спина и мощная шея в рамке освещенного солнцем окна.

– Как ты? – Полковник развернул свое скуластое лицо.

– Терпимо...

– Что там все-таки произошло?

– Они ждали нас. Встретили огнем... Завязался бой... – Ватная сухость во рту мешала говорить. – Мы потеряли полгруппы.

– Две третьих! – Голос командира эхом проник в сознание Константина.

– Матвей?

– И он тоже. – Полковник снова повернулся к нему спиной. – Ты знаешь, чей он сын.

– Конечно. – Константин закрыл глаза.

– Как они могли вас ждать, если даже вспомогательные группы узнали о месте проведения операции только в воздухе? – Полковник, развернувшись, подошел ближе и сел в кресло. – Строжайшая секретность...

– Не знаю.... – Палата поплыла перед глазами Константина, раздались тревожные сигналы аппаратуры.

– В чем дело? Это вторая сорванная операция. Начато расследование.

Полковника оборвал голос вбегающей в палату медсестры.

Константин падал в темную бездну, цепляясь руками за пустоту.

*

Он пришел в себя с резким вдохом. Воздух словно ворвался в его легкие. Тусклый ночной свет ламп. Ощущение присутствия постороннего в палате.

Раздался щелчок настольной лампы на тумбочке возле свободной кровати.

– Ты!... – вырвалось из Константина.

– Да, – просто ответил незнакомец, блеснув черными глазами. – Не ждал?

– Нет.

– Я же сказал, я вернусь. – Он улыбнулся, вызывая в Константине головную боль и бес- сильную злость. – Я вернулся.

– Зачем?

– Ты знаешь зачем... – Встав и подойдя к кровати Константина, он протянул ему стакан с водой. – Нам никак друг без друга.

Поправив волосы, незнакомец разглядывал Константина, пока тот делал маленькие глотки.

– Мне ты не нужен! – Константин поставил стакан на тумбочку.

– Нужен, нужен... – Он растянулся на свободной кровати, скрестив ноги, и с улыбкой смотрел на Константина. – Ты уже сам это понимаешь, просто боишься признать.

Константин молчал.

– Ты думаешь, придет снова образ твоего папочки, и ты опять будешь на высоте. – Незна- комец, взглянув в окно, улыбнулся. – Ну вот... он же пришел во время операции, и что? Ты снова все провалил!

Константин стиснул зубы.

– А я ведь предупреждал тебя... – Незнакомец остановил болтание верхней из скрещён- ных ног. – Ты даже не заметил, что вместо твоего отца тебя вчера вел я... Поверь мне, он слаб!

Тяжесть тисками сдавила грудь Константина, и темнота мощными руками потащила его вниз сквозь матрас и пружины кровати. Глубоко вниз. К воспоминаниям.

*

Незнакомец появился внезапно. В день одной из операций по задержанию преступной группы. Контрабанда и сбыт наркотических веществ и оружия.

Центр города. Итальянская кухня, ресторан с хорошим именем. Масса клиентов. Звезды шоу-бизнеса и все такое.

Группа расположилась на позициях. Константин в штатском обрабатывает как посетитель ресторана.

Ожидание костяка преступной группировки. Информатор прислал сообщение о начале передвижения ожидаемых.

– Вас ждут у лестницы, ведущей в апартаменты. – Голос официанта проник в Констан- тина вместе со звуком расставляемых приборов.

– Кто?

– Молодой человек, назвался вашим знакомым... – Официант направился к кухне.

Легкий кивок головы напарника и понимание в глазах за рамой роговых очков.

Высокий блондин. Лет двадцать пять-тридцать. Замечает Константина в отражении зер- кала. Во рту ветка мелисы.

– Ты кто?

– Друг.

– Какой нахрен друг!? – Константин двинулся на незнакомца.

– Тихо, тихо... – Он выставил открытую ладонь вперед. – А то не услышишь голос образа, ведущего тебя!

Эта фраза остановила Константина быстрее, чем жест руки незнакомца. Поток вопросов проносится в мыслях за доли секунд. Ни одного ответа. Эмоциональный хаос. Речевой аппарат, независимо от происходящего в голове, выдает свое.

– Откуда ты...?

– Знаю. – Незнакомец только теперь отпустил руку, глядя на работницу ресторана, проходящую мимо.

– Допустим. – Константин медленно приходит в себя. – Что ты хочешь?

– Всего лишь «огнестрел» при задержании с фатальным исходом для жертвы (я даже согласен на такую формулировку) – от тебя... – Он сделал паузу, видя отражающуюся в глазах обработку информации Константином. – И благополучное возвращение образа твоего папашки, и продолжение твоего славного жизненного пути – от меня.

Константин в жизни сталкивался со многими вещами, и мало что его выводило из себя. Но сейчас он впал в ступор. Это в момент начала операции.

– ... Не переживай! О ком я говорю, в прошлом не лучше тех, кого вы ждете здесь сегодня. – Блеснув черными глазами, он сплюнул зелень мяты в рядом стоящую урну. – Он давно заслужил смерть, просто красиво скрывается за меценатством и благотворительными фондами, а внутри...

– Пошел вон! – Константин не выдержал, надвигаясь на молодого наглеца.

– Костя. – Голос напарника за спиной останавливает его. – Все в порядке?

– Да. – Константин, не оборачиваясь, смотрит в черные глаза оппонента.

– Тогда идем... Горячее на подходе!

Константин обмяк и снова напрягся, осознав услышанное.

– Иди... те. – Незнакомец улыбнулся. – Поверь, я вернусь, и ты даже будешь мне рад.

Константин не услышал голоса отца, ведущего в правильном направлении, не увидел его образа. В итоге операция сорвалась: криминальная группа выскользнула из здания во время начатой перестрелки. Потери – несколько раненых в рядах спецгруппы, легкие ранения и шок гражданских. Труп – годами наработанный информатор.

*

И вот Он появился снова. Нагло и бесцеремонно войдя в белом халате с врачом и остальным медперсоналом, делающим обход. В утренней суматохе никто не заметил присутствия в палате лишнего «коллеги».

– Я сам... – Он мягким касанием руки отпустил медсестру, возившуюся возле тумбочки Константина с лекарствами.

– Тебе уже лучше... – Он улыбнулся, видя, как провожает взглядом пациент покидающую палату сестру.

– Да.

– Да – «ты согласен»? – Незнакомец забрал стакан из рук Константина.

– Да – это «мне уже лучше»!

– Значит, ты в состоянии принимать разумные решения.

– Почему я должен тебе верить?

– А почему нет? – Молодой человек сел на подоконник, солнечный свет выделил его фигуру, образуя подобие нимба над головой. – Я тебя ни разу не обманул. Вспомни.

– Кто он?

– Это уже деловой разговор...

Константин, услышав имя, задумался, погружаясь в воспоминания. Человек-легенда. Легенда в криминальном мире. Этот индивидуум прошел сквозь огонь и воду криминальных разборок. Не раз объявлялся в розыск. Под десяток его задержаний. Ни одного реального срока.

Бессилие старших коллег Константина, знающих всю подноготную преступного элемента. Постоянное и полное отсутствие доказательной базы, разбиваемой фальсификациями фактов и четкими действиями адвокатуры.

Теперь это успешный бизнесмен, помогающий городу. На улицах которого в годовщины трагедий прошлого еще появляются цветы на местах кровавых разборок.

И наконец... Единственный выживший из штурмуемой квартиры его родной, окунувшейся в хаос пятиэтажки, где сгорели родители Константина и едва выжил он сам!

– Почему он? – Константин смотрел в едва видимые из-за потока солнечных лучей глаза незнакомца.

– Это неважно...

– На перст справедливости ты не похож... Почему?

– Скажем так: неоплаченный чек за прошлое. – Он усмехнулся, массируя с хрустом шею. – Для тебя это выгодная сделка, возвращение того, что ты потерял, и окончательное восстановление... той же справедливости.

– Не таким путем! – Константин поморщился появившемуся вкусу лекарства во рту.

– А как тебе его путь? – Незнакомец слез с подоконника, а за спиной пропало солнце, погружая палату в полумрак. – Да тебе в ноги поклонятся многие...

*

Константин в рваной одежде с пакетом бутылок у ног. Скамейка возле гравийной дорожки парка. Солнце. Теплый весенний ветер сопровождается пением птиц. Одна из них выделяется в общем хоре звонкостью голоса.

Проходящий мимо модно одетый человек морщится смешанным запахам испарений алкоголя и мочи. Удалившись метров на десять от «бомжа», он останавливается, щелкает зажигалкой и, повернувшись, смотрит в глаза человека, несущего смерть.

Три глухих хлопка временно прерывают пение птиц. Возникшая пауза повышает тональность голосов в последующем исполнении. Жизнь продолжается.

Отставной генерал на рыбалке. Раннее утро. Туман, стелящийся по водной глади озера. Утренняя тишина. Ее нарушают легкий порыв ветра, качающий камыши, редкий крик птицы и хрип в легких седовласого рыбака. Очередной заброс удочки. Первые лучи восхода солнца.

Павел Матвеевич – в прошлом отличный оперативный работник, на счету которого сотня успешных задержаний. Руководство отделом. Успешный карьерный рост. Звания. Заслуги, награды.

Жесткость и прямолинейность Павла не мешала ему с пониманием относиться к юмору коллег. «ПМ», «Макаров» – как сравнение с пистолетом – даже внутренне стимулировало его и придавало сил в сложных, тупиковых ситуациях.

Это все в прошлом. Теперь инвестиционный фонд. Устойчивое положение на рынке, не менее устойчивый доход. Вполне позволяющий содержать немногочисленную семью, несколько домов с прислугой и небольшой гараж коллекционных иномарок.

Поплавок резко тонет под водой, натягивая леску. Доли секунд. Генерал подсекает. Удочка с напряжением вибрирует в еще сильных мужских руках. Срыв. Вздых разочарования. Не от срыва рыбы. От срыва в прошлом. Срыва его как индивидуума с его четких жизненных позиций и попадания в зависимость чего-то эфемерного, необъяснимого, но сильного и подчиняющего его в прошлом железную волю.

Шорох за спиной. Ускоряющийся ритм сердца. Поворот головы – никого. Возможно, ондатра. Еще один глубокий вздох.

Секрет успеха. У каждого он свой. К Павлу Матвеевичу он пришел странным и каким-то извращенным способом.

Молодость, амбиции, жесткость с течением долгого времени сделали из него начальника отдела по борьбе с организованной преступностью. Но вскоре наступил кризис. Среднего возраста, а с ним и осознание никчёмности в современном, быстро развивающемся обществе.

Несколько коррупционных провальных дел отправляют бывшего оперативника в депрессию. Но, как ни странно, не в отставку.

Помогает вторая N-я компания. Командировка в горячие точки вытащила провального начальника отдела из глубокой депрессии. Но триумфальному возвращению предшествовал апокалиптический хаос в доме, где проживал Павел с женой и сыном.

*

Катя. Она шла с ним по жизни сквозь тягости и невзгоды. Она отказалась от помощи родителей, служащих в директорате комбината, на тот момент занимающего одну из лидирующих позиций в промышленности огромной страны. Она скиталась по общагам и съемным однушкам с сыном на руках, вечно не доедая и досыпая на лекциях. Она как-то по-неземному любила Павла и готова была отдать за него всё. И даже заявила однажды – свою жизнь...

Он нашел ее в кошмарном состоянии. Катя тронулась рассудком.

«Постшоковое психическое расстройство... Длительный курс восстановления... Пациентке необходимо профессиональное лечение, уход и постоянный контроль ее состояния... Она побудет некоторое время у нас!»

Это Павел услышал от неприятного вида доктора в неприятном кабинете одной из городских клиник. Вердикт врача окунул самого Павла в шоковое состояние, граничащее с предыдущей его депрессией. Спас его, как ни странно, сын.

На мальчика хаос практически не повлиял. Он держался молодцом: учился, получал отличные оценки в школе, гонял в хоккей и уже гулял с девочками. Павел обнаружил какой-то оттенок отрешенности, не свойственный подростку, но он связал это с отсутствием матери.

Возвращение Катерины было долгожданным, но не оправдало ожиданий Павла. Три месяца эмоциональных «качелей» подготовили его ко всему, но не к такому.

Вместо жизнерадостной и активной Катеньки Павел увидел замкнутую, иногда бубнящую что-то под нос, совсем чужую женщину. Но, тем не менее, это была она. Ее приятные черты и красивые карие глаза никуда не исчезли.

Вечер. Ужин. Напряженная атмосфера. Движения Кати угловатые и нелепые. Звон падающих приборов. Испуг в глазах.

Павел зажигает свечи. Мимика лица жены искажается, и он понимает, что испуг связан с трагедией, произошедшей три месяца назад. Свечи погашены.

Диалог не клеится. Но ужин продолжается. Присутствие Павла и домашняя обстановка раскрепощают Катю. Промелькнула улыбка на ее лице в ответ на приятные для обоих воспоминания их первых встреч.

Уже звучит романтическая музыка. В полумраке гостиной медленно кружится в идиллии семейная пара. Шепот наперегонки. Признания. Поцелуи.

Все обрывает сын, внезапно вернувшийся, появившись на пороге. Реакция близких поражает Павла: Катю трясет в истерике, она прячется в объятиях мужа. В глазах сына разочарование. Подросток разворачивается и уходит.

*

Павел срывается – алкоголь. Он прячется от действительности. Как результат – подрыв авторитета, косые взгляды коллег. Потенциальное понижение по службе. Последнее предупреждение.

Он так и не смог добиться объяснений от сына. Подросток живет у деда, изредка встречается с отцом. Катино состояние стабильное, не всегда адекватное – несколько невменяемое, но не угрожающее обществу и вообще кому-либо.

Именно Катя избавляет Павла от алкогольного самоистязания и ставит его на «правильный» жизненный путь.

Начало было положено в один из летних вечеров, когда Павел, изрядно потрепанный зависимостью и зашкаливанием нераскрываемости преступлений в отделе, крался к бару, где стоял недорогой, но все еще коньяк.

Он дрогнул, и налитая рюмка выпала из рук, когда услышал Катин голос за спиной:

– Тебе надо заканчивать с этим делом!

– Я знаю... – Павел опустил голову, не поворачиваясь, разглядывая лужу на полу, видимо, отыскивая в ней подсказки для подходящих слов. – Обещаю! Это последняя бутылка, и с завтрашнего дня...

– Ты не понял! – В повышении голоса Кати проявилась власть, которой он не слышал никогда ранее, и это заставило его дрожать. – Я о деле... О вымогательстве с сети заправок и двойном убийстве, связанном с этим рэкетирским давлением...

– Откуда ты... – Павел, дрожа, повернулся.

– Знаю! – В глазах Кати смысл и полное понимание происходящего и не только в данный момент, на ее кухне. – Жирная точка в этом деле не только закроет его, но и вернет тебе прежние уважение коллег и перспективу продвижения по карьерной лестнице.

– Но каким образом? – Нижняя губа Павла предательски тряслась, и это, видимо, раздражало «перевоплотившуюся» жену.

– Надо ликвидировать главу компании «Бензоль». – Она посмотрела в окно с таким выражением лица, словно тот, о ком она говорила, стоял за окном седьмого этажа. – Человека, явно причастного к преступлению и кем-то из твоих подчиненных осознанно выведенного на второстепенные роли в деле.

– Ликвидировать? Но...

– Уничтожить, казнить... – В глазах повернувшейся к нему Кати появилась одержимость. – Но только это вернет тебе тобою бездарно утраченное.

Она ушла. Раздался повышенный звук динамиков телевизора.

Павел посмотрел на бутылку коньяка, сглотнул слюну и сжал кулаки. Тряска рук прекратилась только через минуту. Он отправился за тряпкой вытирать разлитый алкоголь, затем с ним растирать по полу терзающие его обоснованные сомнения.

*

Опыт военной службы в горячих точках помог Павлу в устранении главы концерна «Бензоль». Стрелял лично, легко ранив телохранителя последнего, выводя из строя. Ликвидировал главу Павел тоже легко, усилий затратив меньше, чем затрачивала жертва на подписания контрактов своей компании.

Нет, он не стрелял, тупо «заряженный» словами и одержимостью собственной жены. Он проанализировал ее слова, ход следствия и отношение коллег к этому неординарному делу. Ранее проделать подобную работу мешали алкоголь и безразличие к происходящему.

Интерес одного из подчиненных налицо. Павел до дрожи в конечностях не терпел оборотней в погонах и поэтому с остервенением принялся копаться в деле, забыв про зависимость.

Коллега очень быстро признался в собственной «ошибке» и так же быстро уволился из органов. Дальнейшая кропотливая работа и анализ материалов привел Павла к решению. И оно полностью совпало с тем действием, о котором говорила Катя.

Павел решил после ликвидации выяснить у жены ее отношение к происходящему.

Конечно, убийство главы нефтяной компании имело общественный резонанс. Волнения в массах. Освещение в СМИ. «Истерика» в органах внутренних дел.

Но именно убийство и привело к вскрытию некоторых фактов деятельности главы концерна и его директората. В деле появились свидетели, ранее запуганные. И, соответственно, работа компании предстала несколько в ином свете.

Монополия. Захват рынка противоправными действиями. Целый ряд преступлений против личности. Убийства.

Все лавры раскрытия достаются отделу, занимающемуся этим делом и которым руководит Павел. Глянцевый триумф. Поздравление коллег. Похвалы начальства, едва не уволившего опускающегося на глазах Павла.

Вечерний ужин. Катя в нарядном платье. Запах обожаемого ею жасмина. Бокалы с вином. Атмосфера праздника. Отказ от вина воспринимается Катей снисходительно.

Павла беспокоит лишь один вопрос. Он ищет тот промежуток времени в праздновании его «победы», когда можно задать его.

Катя, взглянув в окно и улыбнувшись вопросу, глотнула вина, шокируя ответом:

– О чем ты, милый? Ты же помнишь, по нашему обоюдному согласию я никогда не спрашиваю тебя о работе?

*

День за днем Павел втягивался в рабочие будни. Кривая раскрытия преступлений поползла вверх. Эмоциональное состояние Павла стабилизировалось.

Угнетала только невозможность соединить воедино некогда сплоченный семейный коллектив. Он скучал по тем семейным праздникам: походам, пикникам на природе и поездкам в другие города на экскурсии.

И Катя, и сын слышать не хотели о встрече. Один угрюмо замыкался в себе, не объясняя причин. Вторая начинала заметно нервничать, постукивать левой ногой по предметам мебели и бубнить (в ее стиле) какие-то слова, похожие на шаманские заклинания.

Павел отпуская ситуацию, но не отказываясь от своей цели полностью, циклически возвращаясь к попыткам воссоединения семьи, с каждым разом подходя к этому издалека, еще мягче, тактичнее. Но как бы ни была больна Катя и как бы ни был еще молод сын, они оба «читали» эти попытки и пресекали их на корню.

Он уже почти забыл то состояние психологического ступора, в котором он находился на пороге вывода Катей на главу компании «Бензоль». Павел не замечал сопутствующих отклонений и в ее состоянии. Он свыкся с ее «тараканами в голове», тем более, они были предсказуемы и практически безвредны.

Профессиональная деятельность приносила плоды. Появлялись новые знакомства и не только в органах, завязывались перспективные связи среди представителей власти, и проглядывались потенциальные пути развития деятельности после завершения карьеры в силовых структурах.

Все вернулось во время расследования очередного «висяка». Убийство заместителя мэра. Явно заказное, с проглядывающимися интересами в некоторых кругах представителей бизнес-элиты и отдельных криминальных структур.

Следствие зашло в тупик. Начальство давило сверху. Общественность продавливала со всех сторон. «Налицо некомпетентность следственной группы. И вероятные отстранения от должностей определенных руководителей органов Внутренних дел на разных высотах...»

Павел запаниковал и поглядывал то на покрывшуюся пылью бутылку коньяка, то каждый вечер на Катерину, ожидая спасительного «дежавю». Но она молчала, сконцентрировавшись на бытовых проблемах.

Тогда и наступил предел. Тянувшаяся к бутылке рука Павла, толкаемая внутренним криком о помощи, замерла от голоса жены:

– Это отравляет общество.

Павел вздрогнул, но налил.

– В данный момент мне все равно, тем более в малых дозах...

– Речь не об этом! – Интонация Катиного голоса заставила шевелиться волосы на его голове. – Фармацевтическая компания выкидывает на рынок тонны отравляющих веществ в красивых, подкрепленных маркетинговыми лозунгами упаковках.

– И...? – Дрожащая рука Павла висела в воздухе с до краев наполненной рюмкой, коньяк стекал по его коже.

Подойдя к нему, Катя взяла рюмку из его рук и вылила содержимое в раковину.

– Это не лекарство, а яд. – Она заглянула в его глаза и, как ему показалось, очень глубоко внутрь его, туда, докуда даже сам Павел в своих мыслях никогда не добирался. – Может, мне это кровью написать на стене!? Чтобы понятнее было...

Она уходит. Комок в горле Павла проваливается. Через минуту он слышит шум, создаваемый загрузкой белья в стиральную машину. Он вытирает поверхность стола от коньяка, при этом затирая дыры в сознании от Катиного проникновения в его святая святых.

*

Уже утро. Кабинет. Гора мятых стаканчиков из-под кофе. Боль в глазах от монитора. Несвежесть рубашки неприятно сочетаются с испарениями тела.

Он нашел его. Человек, руководящий заводами и сетью дистрибьюторов по продаже выпускаемого ими лекарств. Псевдолекарства моментального действия, содержащие запрещенные синтетические вещества. Дешевые препараты с массой побочных эффектов, выявляющихся у пациентов через определенное время. Фальсификация результатов тестирования. Реализация на рынке дешевого заменителя происходила именно при помощи застреленного недавно помощника мэра.

Катя, не назвав имен, дав подсказку, заставила сама поработать Павла над искомым. Он справился. Он улыбался, сидя возле окна кабинета. Жужжал залетевший в окно шмель. Благоухал неизвестный цветок в горшке на подоконнике. Солнечные лучи грели и убаюкивали.

Несомненно, такой прорыв в фармацевтике и гибель заместителя мэра открывали дорогу к ступеням власти человеку, спланировавшему и сотворившему все это. Об этом говорили журналисты и шептали чиновники в коридорах и кабинетах представителей той же власти.

«Такие вещи не должны происходить. Они оскверняют общество, обесценивая его элиту до дешевой коррумпированной шелухи». И Павел подходил к ликвидации заказчика убийства помощника мэра уже с позиции ну если не посланника бога, то как вершителя правосудия. Это как минимум.

И то, что убийство директора фармацевтической компании далось легко, лишний раз убеждало его в том, что именно он один из избранных.

– Победителей не судят, – сказал Павел, садясь за стол, красиво оформленный к ужину Катериной.

– Мне нравится, как ты говоришь, милый. – Катя с отрешенным видом подняла бокал вина, дольше, чем нужно, задержав взгляд, глядя на свет сквозь красную субстанцию.

– Но это не я сказал! – Он ощутил неприятный холод внутри от интонации голоса жены.

– Не каждый, кто сказал, это сделал... – Катя пьет вино мелкими глотками.

Павел подумал, что она так же медленно пила бы чью-то кровь. Он встретил взгляд ее глаз и понял, что она добралась до его мыслей.

Их действительно не судят. Никто не стал искать убийцу организатора заказного убийства и производителя контрафактного лекарства.

Почет и лавры отделу Павла. Укрепление его вновь расшатанного положения. Спокойствие в доме.

Даже закрытие глаз на выбор сына – пойти по стопам отца и деда. Павел всегда хотел, чтобы сын стал кем угодно, только не служащим закона. Его предательски успокаивало только то, что училище далеко от дома. Это не будет травмировать Катю, а с ним и его самого.

*

Это становилось каким-то своеобразным жертвоприношением успеху. Только жертвы не были невинны и безгрешны.

Павел уже оставил службу, с почетом уйдя на пенсию. Карьера в области инвестиций. Но по все тем же кровавым ступеням поднимался бывший генерал. Все так же намек от полумняемой жены, глубокий анализ, вынесенный им единогласно приговор и приведение его в исполнение. Налицо скачок по карьерной лестнице.

Отучившийся сын работает в органах, позиционируя себя жестким, волевым и перспективным оперативником, умеющим работать «в поле». Гордость для отца и снисходительная улыбка неспособной дать трезвую оценку матери. Мать и сын по-прежнему не готовы к встрече, но спокойно выслушивают новости друг о друге. Павел видит в этом положительную динамику.

Все рушится с появлением в жизни Павла незнакомца. Он пришел в кабинет руководителя фонда с полумиллионным проектом. Молодой человек с явной внутренней силой и исключительно доминирующей манерой ведения диалога.

– ... Но я здесь не поэтому. – Блеснув черными глазами, молодой человек закрыл папку с презентацией. – У меня несколько иное предложение.

– В смысле? – Павел поднял брови, разглядывая лицо незнакомца, пытаясь понять цель визита. – Объясните!

– Мне нужна жизнь!

– Молодой человек... – Павел, улыбнувшись, откинулся на спинку кресла. – И, как я понимаю, вполне цветущая и успешная?

Улыбнулся и сидящий напротив Павла.

– Мне нужна чужая жизнь.

– У меня не клиника искусственного оплодотворения. – Павлу почему-то стало душно – Инвестиционный фонд.

Незнакомец посмотрел в окно, улыбнувшись пробивающимся лучам солнца.

– Может, поможет информация о вас самом, – теперь он улыбнулся Павлу, глядя в глаза, – которой я могу поделиться?... С вами же, для начала.

– Информация обо мне? – Несмотря на тревогу, появившуюся в груди, Павел попытался улыбнуться. – Что ж, это интересно...

– Даже очень. – Молодой человек удобно расположился в кресле, обхватив руками колено ноги, заброшенной на другую. – Вряд ли кто-то из специалистов психологии и психиатрии поверил, что слова человека, тронутого рассудком, помогут кому-то построить карьеру... Тем более такую.

Павел приподнялся с кресла, расширяя глаза.

– Да, да... Я об участии в вашем карьерном росте вашей жены Катерины.

Незнакомец в деталях рассказал о связи устранения Павлом бывших криминальных элементов и его продвижении по службе, а затем и в бизнесе. Он буквально втапывал Павла в пол кабинета, «разрывая» его разум на части.

– Вон! – Гнев Павла взял верх над его деморализованным состоянием. – Убирайся вон!

Молодой человек улыбнулся появлению секретаря и охране в дверях.

– Я вернусь... – Незнакомец в дверях поймал папку с презентацией и указательным пальцем, тыкающим в Павла, подкрепил свои слова. – И ты будешь меня просить вернуться к условиям сделки.

– Во-о-он! – Павел, тяжело дыша, погрузился в кресло.

*

Встреча с незнакомцем вернула Павла в депрессивное состояние. Сама мысль – быть разоблаченным в преступной деятельности – вгоняла его в ужас. Теперь его рука тянулась не к бутылке коньяка, а к предсмертной записке и пистолету.

Спасла положение, как всегда, Катя. Она подкралась к мужу сзади, когда он, перечеркивая фразы, писал признание во всех убийствах. Рядом лежал пистолет.

– Это не выход, милый... – раздалось над ухом Павла, заставляя его вздрогнуть.

– Ты так считаешь? – Павел сжался весь, боясь повернуться к Кате.

– Это, скорее, вход, причем преждевременный, – она массировала его плечи, – туда, куда билет тебе и так уже заказан. – Ее слова вызвали дрожь в теле Павла. – Надо бороться.

– Как? – Павел истерично взвизгнул.

– Я знаю, кто этот человек и кто его прислал.

В глазах повернувшегося Павла вместе со страхом застыл и вопрос.

– Венчурный фонд из соседнего N- ска. – Она поцеловала его в открытые губы. – Его основной акционер присутствовал на последнем благотворительном аукционе, помнишь, такой хамоватый, с высокой «моделью на выезд»?

– И...? – Павел почувствовал облегчение вместе с врывающимся в окно порывом ветра.

– Ты дальше сам все знаешь. – Катя, глядя в его глаза, в несколько приемов дернула вверх головой, подбадривая его.

Павел сжал лежащий возле него пистолет. А за спиной уже раздалось тягучее пение его жены.

День спустя был «обезглавлен» венчурный фонд соседнего города. Павел вздохнул спокойно. Что странно, Катя после этого заговорила о сыне, о его скромности в детстве, о своей материнской привязанности...

Положительный настрой сбил вновь появившийся злосчастный незнакомец. Он сидел на скамейке возле здания офиса и болтал ногой, улыбаясь вороне, пытающейся стащить что-то из его кожаного портфеля. Молодой человек помахал рукой выходящему из машины Павлу, вгоняя последнего в шоковое потрясение.

Руководитель фонда буквально вбежал в офис, забыв про возраст и одышку. Он заперся в кабинете, отменив все визиты. Но один он не смог отменить.

Следователь прокуратуры.

– При всем уважении к коллегам, – неприятного вида человек лет тридцати развел руки в стороны, – и тем более их заслугам...

Вопросы прокурорского следователя довели Павла Матвеевича до боли в сердце и вызова врача в офис. Вопросы касались не только венчурного фонда, но и предыдущих устранений, необходимых для продвижения Павла по карьерной лестнице.

– Отдохните, Павел Матвеевич. – Выгоняемый за дверь врачом следователь пытался «достучаться» до помутневшего сознания Павла. – И настоятельно рекомендую: не покидайте пределы области!

*

Поплавок дернулся, натягивая леску. Павел запоздало подсек, и небольшая щука, едва показавшись из воды, сорвавшись, ушла под воду. Суета раскачала лодку. Раздался шелест прибрежных камышей. Балансируя телом, выровняв лодку, он снова закинул удочку.

«Может, это Катя? Только она знала о всех моих «продвижениях по карьерной лестнице». Столько лет притворяться, но зачем? Чтобы поставить на мне большой жирный крест? Абсурд...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.